

И. И. Кальной

МАРГИНАЛ ОБЩЕСТВА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

В статье рассматривается история новоевропейской цивилизации, анализируется культура переходных эпох, таких как Эллинизм, Ренессанс и Постмодерн. Каждый такой период демонстрировал этапы разрушения, аккумуляции новых идей и созидания, решая свои проблемы в формате «вызов — ответ» с учетом текущих условий и субъективного фактора. В ситуации, когда старая шкала ценностных ориентиров уже не действует, а новая еще не сложилась, субъект общества переходного периода становится акцентуированным маргиналом. Жизнь маргинала — это «недожизнь». Он ностальгирует о прошлом, а живет с ориентиром на принцип «ноувизма» («здесь и сейчас»), что, как правило, ведет к девиантному поведению. Сегодня необходима очень сильная конструктивная идея, которая могла бы стать основанием для достойного ответа нынешнему историческому вызову и путем к выходу из антропологического кризиса. Библиогр. 12 назв.

Ключевые слова: человек, общество, маргинал, акцентуация, отчуждение, модерн, постмодерн.

I. I. Kalnoy

FRINGE ELEMENTS IN TRANSITIONAL-PERIOD SOCIETY

The history of new European civilization is being considered in this article and the time of transitional-period society is being analyzed: Hellenism, Renaissance and Postmodern. Each period demonstrated phases of destruction, accumulation and creation. Each period solved its problems in consideration of their objective conditions and subjective factor of public development. New European civilization actualizes discussions about world and about man's place in it. Man was always problematic but on the fringe he is double problematic. Society subject of transitional period becomes accentuated fringe element in a situation where old values do not work and new values are not formed. Life on the fringe is "half-life". He feels nostalgia about past times and lives according to "here and now" principle. This leads to deviant behavior. It is necessary to find a strong creative idea — the basis of worthy answer to modern historical challenge. It will be a way out of the anthropological crisis. Refs 12.

Keywords: man, society, marginal, accentuation, alienation, modern, postmodern.

Новоевропейская цивилизация имеет свое прошлое и настоящее, а о том, что ждет ее впереди, мы можем либо гадать, либо строить предположения, осваивая искусство проникать в прошлое и читать знаки будущего. Истоком новоевропейской цивилизации является ее «осевое время». Оно заявило о себе:

- правом и свободой, когда на смену архаичным обычаям и традициям пришло литературное право законодателей, право с претензией на нормативную регуляцию отношений людей, не имеющих прямых обязательств друг перед другом;
- индивидуализмом, когда «Я», с его ориентацией на осуществление личных интересов (потребностей), вырвалось из родового «мы»; когда желание переступить черту дозволенного преодолело страх перед наказанием. Современный человек чувствует свою неудовлетворенность, находясь в поле противоречия между сущим и должным [1–2].

Кальной Игорь Иванович — доктор философских наук, профессор, Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского, Российская Федерация, Республика Крым, 295007, г. Симферополь, пр. академика Вернадского, 4; igor_kalnoy@mail.ru

Kalnoy Igor I. — Doctor of Philosophy, Professor, Tavrichical National university by V.I. Vernadsky, 4, pr. acad. Vernadskogo, Simpheropol, 295007, Republic of Crimea, Russian Federation; igor_kalnoy@mail.ru

«Осевое время» подготовило три «кита» становления и последующего развития новоевропейской цивилизации: античную философию, римское право и христианство. Эти институты заложили культуру веры, познания и самопознания под знаком номоса (закона) как проекции космоса (порядка). Триединство веры, познания и порядка в разные периоды европейской истории достигалось по-разному. Между фазами развития общества и человека существовала определенная историческая связь. Она проявлялась в переходные эпохи Эллинизма, Ренессанса и Постмодерна. Каждый из этих переходных периодов сопровождался как разрушением существующего порядка, так и обращением к традиции с целью созидания нового. Каждое общество, попавшее в «эпоху перемен», решало свои проблемы в формате «вызов — ответ» с учетом как объективных условий, так и пассионарности народа.

Античное общество прошло через периоды «детства» и «старости». Если герои Гомера ставили общее выше частного, а философы интересовались поиском меры истины, блага и красоты, то в эпоху эллинизма усиливается проповедь морали, культивируется скептицизм или мистика, а чаще всего эклектика. Концепция космоцентризма с установкой на образ жизни «здесь и только сейчас» исчерпала себя. Шкала ценностных ориентиров «детства» нуждалась в конструктивном обновлении в рамках триединства религии, философии и права.

Спустя тысячелетие исчерпала себя и «юность» Средневековья, в течение которой общество обрело духовные скрепы, а личность заявила о себе концепцией равенства перед Богом. Наступило время, когда сложившаяся шкала ценностных ориентиров начала давать сбои в условиях раннебуржуазного общества, где товары и деньги претендовали на статус приоритетных ценностей. Ренессанс продемонстрировал необходимость аккумуляции нового и традиционного для строительства национальной государственности и такого общества, где каждый человек должен был найти свое место, принимая во внимание, что «жизнь сама по себе ни благо, ни зло: она вместилище и блага, и зла, смотря по тому, во что вы сами превратили ее» [3, с. 112].

«Зрелость» новоевропейской цивилизации проявилась в эпоху Модерна. В исследовании природы этой эпохи, логики ее становления и причин последующего кризиса существенный вклад внесли К. Маркс [4] и М. Вебер [5]. Проанализировав становление и развитие буржуазного общества, они обосновали вывод о том, что мир не стал более совершенным и пригодным для обитания человека. В результате модернизации, длившейся 500 лет, социум оказался раздробленным на множество автономных миров, отстаивающих свою независимость и самодостаточность. Немецкая культура заявляет о своем превосходстве над французской; экономика ставит себя выше политики и морали; наука используется для развития промышленности и с определенной долей презрения смотрит на философию и искусство; влияние религии уменьшается в результате секуляризации. Тем не менее в эпоху модерна Европа выглядела еще вполне респектабельно, имела здоровый вид и не без основания надеялась сохранить свое место законодателя социальной жизни на мировом Олимпе. В основе парадигмы модерна, которая обеспечила «зрелость» новоевропейской цивилизации, лежат несколько простых, но привлекательных идей.

Во-первых, это идея антропоцентризма, согласно которой центром познавательной и преобразовательной деятельности выступает человек. Он задает направление эволюции и определяет базовые ценности культуры. Он — главная персона

бытия, его средоточие; всё остальное — средство обеспечения человеческого существования.

Во-вторых, представление о «совершенном человеке» изначально предполагало несовершенство мира. Поскольку мир не соответствует идеальной природе человека, его нужно исправить — не ждать от природы милостыни, а брать всё, что нужно для удовлетворения человеческих потребностей.

В-третьих, «технократическая» модель опиралась на соответствующие средства покорения мира. С помощью науки и техники начался процесс преобразования природы и приспособления ее под нужды человека.

В-четвертых, парадигма модерна предполагала достаточно жесткое разделение публичной и частной сфер человеческого бытия, дистанцирование индивида от общества как необходимое условие неприкосновенности частной собственности. Такой подход изначально ставил под сомнение возможность сохранения жизнеспособного государства, которому служил человек и которое его защищало.

В-пятых, парадигма модерна стала основанием европоцентризма: европейские ценности провозглашаются абсолютными и универсальными, т. е. общечеловеческими. Другие народы и цивилизации должны признать, что единственным способом преодоления экономического, политического и социального кризиса является принятие тех ценностей, которые были заложены в ходе модернизации Западной Европы и Северной Америки.

Качественное улучшение жизни людей, их долголетие сделали западный опыт привлекательным для тех стран, которые еще колебались в выборе пути своего дальнейшего развития. Однако претензия Европы на мировое господство послужила тревожным сигналом для тех мыслящих, кто увидел в этом факте опасность глобальной катастрофы на пути выбора «все как один, один как все».

Несмотря на внешнюю привлекательность, парадигма модерна оказалась очень затратной. Правда, поначалу мировой рынок и эксплуатация колоний скрывали негативные последствия эксплуатации природы средствами индустриального производства. Однако ориентация на европейские стандарты привела к многократному увеличению добычи нефти и угля, газа и минеральных ресурсов, вырубки лесов и расширению пахотных земель. Соответственно возрос объем вредных отходов производства. Научно-технический прогресс обернулся угрозой «холодной зимы», обнаружилось, что кокон благополучия Запада связан с переделом мира и эксплуатацией стран третьего мира.

Опыт двух мировых войн, возникновение глобальных проблем, фактическое обесценивание национальной государственности и международного права заставили интеллектуалов критически оценить эпоху Модерна и искать пути выхода. Постмодерн — это третий переходный период в истории новоевропейской цивилизации. Он отмечен лихорадочным поиском достойного ответа очередному вызову и надеждой на выход из затянувшегося кризиса буржуазного общества. Этот период характеризуется:

- разрывом связи между культурой и цивилизацией: ныне цивилизация воспроизводит себя, опираясь на свои техники и технологии, не оглядываясь на культуру;
- разрывом связи поколений и готовностью молодых людей отказаться от опыта своих предков;

- поиском нового мирового порядка с ориентиром на очередной передел мира;
- созданием «общества потребления», в котором люди озабочены удовлетворением искусственных потребностей, стимулируемых экономикой;
- апатией масс, равнодушием индивидов и безответственностью элиты.

Субъектом нового общества становятся маргиналы. Они существуют в ситуации, когда старая шкала ценностных ориентиров не действует, а новая еще не сложилась. Они ностальгируют о прошлом, но живут по принципу «здесь и сейчас». Они находятся вне исторической перспективы, идентифицируются как «винтики» разного рода фирм и корпораций и потому нередко характеризуются как «офисный планктон», отчужденный от всех и от самого себя.

Оказавшись в социокультурном разломе, маргинал теряет веру в устойчивость социального порядка, переживает бессилие в мире тотального страха, неопределенности и непредсказуемости завтрашнего дня. Его мышление ориентировано на критику, доходящую до самоуничтожения. В условиях разорванного сознания маргинал утрачивает самооценку, превращается в средство осуществления сомнительных целей, создавая опасность для себя и окружающих.

Существуют несколько типов маргинальности:

- социальная маргинальность возникает в результате смены среды обитания. Кто не адаптировался к новой среде и не реализовался в ней, тот либо пополняет армию бомжей, либо включается в игру без правил;
- возрастная маргинальность формируется, когда индивид обгоняет сложившуюся систему социальной регуляции или безнадежно от нее отстает. В первом случае общество получает «молодых старичков», которые всё знают и уже ничего не ждут от жизни; во втором случае складывается вечное детское «Я» со всеми комплексами неполноценности;
- культурная маргинальность проявляется как состояние человека, который утратил свои «корни», а ассимилировать ценности другой культуры либо не может, либо не желает;
- моральная маргинальность — это состояние человека, который расстался с моралью своего общества и не смог усвоить мораль общества, его приютившего. Отсутствие морали препятствует формированию индивидуальной нравственности и социальной идентичности.

Общей чертой всех отмеченных типов маргинальности является потеря устойчивой шкалы социальной ориентации. Проблемная ситуация усиливается психологической неуравновешенностью людей [6]. Утрата исторических и культурных корней обостряет коллизии и провоцирует конфликт маргинала с окружающим миром. Ситуация существенно осложняется, когда феномен маргинализма дополняется психологической напряженностью, возникающей из-за неукорененности, которую можно назвать потерей родины и дома. Маргинал не способен ни создать крепкую семью, ни быть опорой государству.

В обществе переходного периода население, как правило, демонстрирует социальную маргинальность. Девиантное поведение уже никого не смущает, аномалия воспринимается как новая модная норма. Честь и совесть, долг и достоинство, терпение и терпимость, законопослушность и уважительное отношение к жизни другого человека воспринимаются скорее как исключение, а не правило. Распадается триада человеческого «Я», в нем начинает доминировать биологическое, угасает ду-

ховное, а социальное вызывает протест. Идентичность достигается компенсаторными средствами (алкоголь, наркотики, секс, игровая зависимость). Жизнь уже не рассматривается как высшая ценность. В социальном измерении она котируется ниже стоимости «куска хлеба», а в личностном измерении вообще теряет ценность, о чем свидетельствует статистика смертности, в том числе в результате суицида.

Неудивительно, что и в «государстве всеобщего благоденствия» снова поднимается проблема отчуждения. Отчуждение — это закономерное следствие такого типа производства, в условиях которого осуществляется объективация субъективности. Вещи становятся товарами, а люди — рабочей силой. В результате продукты деятельности человека превращаются в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему. Отчуждение включает механизм персонификации общественных отношений и деперсонификации человека. Человек теряет самооценку и становится не более чем социальной функцией. Отчуждение проникает в систему политических и правовых, этических и эстетических, научных, философских и религиозных отношений. Оно блокирует культуру, ее способность обеспечивать преемственность поколений, быть условием единения людей. В конечном итоге отчуждение обуславливает противостояние человека и мира, делает человека потенциальным маргиналом, своеобразным «диссидентом природы».

Вывод о том, что в результате отчуждения человек теряет свою индивидуальность, а продукт его деятельности приобретает демоническую силу персонифицированных общественных отношений, несет в себе возможность ложного суждения о том, что феномен отчуждения, как источник маргинализации, производится и воспроизводится только в сфере материального производства. В действительности в рамках производства имеет место «овеществление», и при определенных условиях, когда бал правит система тройной фетишизации — товара, денег и капитала, отчуждение заявляет о своем тотальном характере. Страдают природа, общество, человек.

В силу своей относительной самостоятельности любая властная система (семья, церковь, мечеть, партия, государство и т. д.) стремится утвердить свою самооценку, но используется как средство регламентации жизни людей в обществе. Буржуазная семья, с ее ориентиром на создание рая на двоих, закладывает предпосылки кромешного ада. Не церковь служит прихожанам, а прихожане обслуживают церковь. Не врачи лечат больных, а больные содержат врачей. Не полиция уничтожает преступность, а преступный мир обеспечивает существование и деятельность полиции. Не государство через институт бюрократии организует и поддерживает порядок, а бюрократия реализует свои интересы, выдавая их за интересы всего общества.

Из этого вытекает актуальность проработки механизма, предназначенного для профилактики отчуждения властных структур, удержания их в режиме возможности, когда каждая властная структура выступает только средством решения определенных задач и никогда — самооценностью. Это возможно, но только в обществе высокой духовности, где три аксиомы кантовского категорического императива являются правилом человеческого общежития, а не исключением.

Спецификой отчуждения является то, что оно воспринимается отдельным человеком, а не обществом в целом, ибо, будучи объективным по содержанию, отчуждение субъективно по переживанию. Неосознанное отчуждение для конкретного человека не является таковым, тогда как осознанное отчуждение рождает протест в самых различных формах — от состояния бессилия до неприятия базовых цен-

ностей конкретного общества и использования неодобряемых средств достижения целей. Отдельно взятый человек, находящийся в состоянии предельного отчуждения в одной системе общественных отношений, может самовыражаться и самоосуществляться в другой системе, ибо человек — многомерное существо [7]. В одних отношениях человек оказывается объектом манипуляций, а в других — выступает в качестве субъекта социальной активности. Именно на стыке разных состояний формируется его собственная «мера всех вещей», проявляется или элиминируется его индивидуальность.

Эффективным способом если не преодоления, то ослабления отчуждения и сохранения своей индивидуальности является творческая деятельность, где наиболее оптимально сбалансировано соотношение «опредмечивания» и «распредмечивания», что позволяет человеку наиболее полно реализовать всеобщие формы бытия свободы, спроецировать желаемую ситуацию и соответственно организовать поведение, сохранив свою самооценку. Творчество выступает живительным источником человеческого в человеке, а человеческое является своеобразным иммунитетом против экспансии отчуждения и трансформации человека как социального существа в маргинала.

Возможные варианты решения проблемы отчуждения сегодня, как и прежде, находятся в диапазоне между социальной революцией и индивидуальным самосовершенствованием. В свете потенциальных потерь предпочтительнее выглядит эволюция человеческих качеств как средство достижения мира и гуманизации человека [8]. Но ответ на вопрос, как следует жить, на какие ценности ориентироваться, остается открытым уже второе столетие.

Одной из первых страниц эпохи постмодерна является опыт Первой мировой войны. В романе «На западном фронте без перемен» Э.М. Ремарк устами одного из персонажей — участника войны констатирует, что встреча с прошлым после окопов только усиливает беспокойство, порождает бессилие. «Внезапно меня охватывает чувство отчужденности. Я потерял дорогу к прошлому, стал изгнанником; как бы я ни просил, сколько бы усилий ни прилагал, все вокруг застыло в молчании; грустный, какой-то посторонний, сижу я в своей комнате, и прошлое отворачивается от меня, как от осужденного» [9, с. 102].

Термины «отчужденный», «лишний», «чужой» не только не исчезают, но, наоборот, обретают все более сильное, провоцирующее протест значение. Они властно вторгаются в язык, отрицают мировоззрение постмодерна, где человек по-прежнему востребуется исключительно как социальная функция, как агент персонифицированных общественных отношений. Его удел — состояние неподлинной жизни, ибо он не живет, а существует. Потеряв самооценку, маргинал-индивидуалист рассматривает другого исключительно как средство удовлетворения своих потребностей, осуществления своих интересов. Сущность человека — это то основание, которое объединяет людей всего мира через систему общечеловеческих, гуманитарных ценностей [10–12]. Маргинал переступает через эти ценности, ставит под сомнение саму сущность человека. В условиях общества переходного периода он, оставшись без «руля и ветрил», живет сегодняшним днем и нацелен на выживание любой ценой, любыми средствами.

Подводя итоги, можно сделать вывод: с одной стороны, маргинал — это социальная подпитка антропологического кризиса, чреватого катастрофой; с другой

стороны, нередко новые идеи, обеспечивающие выход из тупика, предстают в форме аномалии. «Отчуждение», «бегство от свободы», «социальная аномия», «апатия масс» — всё это можно понимать как форму расставания с буржуазными ценностями и осознания того, что мы все одинаково боимся смерти и все одинаково хотим жить, мы все связаны друг с другом, представляем один вид жизни на этой Земле. Несмотря на разговоры о глобальных конфликтах и угрозе «войны цивилизаций», несомненно, что человечество связано общей целью выживания и сохранения условий своего существования, и это по-прежнему оставляет нам, как когда-то И. Канту, надежду на возможность «вечного мира». Эта конструктивная идея выхода из кризисного состояния является достойным ответом нынешнему историческому вызову.

Литература

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
2. Гачев Г. Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2003. 544 с.
3. Монтень М. Опыты. Кн. I и II. СПб.: Кристалл; Респекс, 1998. 953 с.
4. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. М.: Политиздат, 2010. 784 с.
5. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
6. Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев: Высшая школа, 1981. 236 с.
7. Лазарев Ф. В., Литтл Б. А. Многомерный человек. Симферополь: Сонат, 2001. 264 с.
8. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. 312 с.
9. Ремарк Э. М. На западном фронте без перемен. М.: АО Вита-Центр, 1991. 320 с.
10. Марков Б. В. Философская антропология. СПб.: Лань, 1997. 364 с.
11. Шаронов В. В. Основы социальной антропологии. СПб.: Лань, 1997. 195 с.
12. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 205 с.

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2014 г.